

Завораживающая мартовская синь. Всегда грустно в марте вечерами. Почему? Не могу найти точного определения. Но что-то из детства, что-то радостное, полузабытое, с яркими вспышками отдельных эпизодов.

Северный Урал. Стоим с отцом на самом верху снежной кучи. Трактор дорогу расчищал и навалил целый холм рядом с нашим домом. К ночи подморозило. Заледенело. Едва залезли. Высоко. Так к звёздам ближе. Смотрим в небо. Вот! Вот! Вон он летит! Где, где? Ну вот, левее Большой Медведицы! Точно! Яркая точка движется по небосклону. Спутник! Спутник летит! Восторг! Но почему теперь так грустно? Потому, что невозвратно. Что невозвратно? Всё! А прежде всего – детство. Точно помню день, когда стал взрослым. Нет, вру. Не днём я резко повзрослел, а ночью. В марте. Проснулся и вдруг осознал, что мама обязательно умрёт. Всенепременно. И самое страшное, что умереть, скорее всего, она должна раньше меня. Не заплакал, но на всю жизнь запомнил тоскливый ужас обрушившегося на меня прозрения. В ту ночь умерло детство. Приказало долго жить. И с той поры сказкам верить перестал. Верить перестал, но так жалел об этом. Несказанно. Чувствую это лучше, чем могу сказать.

Там было чисто, славно, благостно. Там... как бы это получше сказать? Сейчас попробую. Когда-то пытался эти мыслишки зарифмовать, да не получилось ничего путного. Дай бог памяти – хоть кушечек воспроизвести:

Кретинов нет, но есть невежды.
Не лоб высокий, а чело!
Не веки там сомкнут, а вежды,
Когда здоровье подвело.

Когда-нибудь и я вежды сомкну. А современники скажут «зжмурился», «кони двинул», «в ящик сыграл», «ласты склеил». Засорили язык, и мозги соответственно засорились. Очерствела душа и уже

не удивляется и не радуется сильно ничему. Сейчас глянь на ночное небо, – так спутников этих – как светлячков в лесу. Не сочтёшь. И что интересно: спутников стало больше, а радости меньше. Парадокс.

Ночь. Не могу уснуть. Пойду погуляю.

Лай собак. Золочёный серп луны. Ломкость льдинок под ногами. Воздух – не надышишься. С дымком, с невыразимо свойским запахом навоза, сена и талого снега. С грустинкой воздух. С печалью. Странно, что поэтически одарённый крестьянский мальчик Серёжа из села Константиново никогда не писал о навозе. А ведь именно этот, характерный для русского села запашок и придаёт неповторимую прелесть и пряность деревенскому воздуху. «Пряный вечер, гаснут зори...». В лирическом цикле стихов Есенин упомянул: луну-месяц – тридцать девять раз; синь, не считая голубени, – двадцать; грусть-печаль – семнадцать; дым-гарь – десять разочков. А про навоз – ни слова. Обошёлся поэт без него. «Облаками перекрещен, сладкий дым вдыхает бор»... Нет, лучше всего под моё настроение и под ситуацию подходит вот это его замечательное: «Снежная равнина, белая луна, саваном покрыта наша сторона»... Волшебно! И природа как будто услышала стих. Наплыли тучи. Приглушили луну. Просыпались снегом. Потанцевали крупные хлопья в воздухе, покружились и накрыли деревню, как саваном.

